

ЛЕВ САМОЙЛОВ
ВЛАДИМИР ГИРИН
МИХАИЛ ВИРТ

ВЫСТРЕЛ В ПЕРЕУЛКЕ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Лев Самойлов

Выстрел в переулке

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Самойлов Л. С.

Выстрел в переулке / Л. С. Самойлов — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-489-1

В этом сборнике представлены два остросюжетных произведения Льва Самойлова - признанного автора советского детектива. Подлинная фамилия писателя - Лев Самойлович Зильвер (1906-1978). Печататься начал с 1930-х годов, сначала под настоящим именем. Но с 1939 по 1954 год нет никаких данных о творчестве автора. Начал вновь издаваться с 1954 года, но уже под псевдонимом Лев Самойлов. Автор многочисленных повестей и рассказов, он не раз выступал дуэтом с другими представителями детективного жанра. Повесть «Выстрел в переулке» была написана в соавторстве с Владимиром Гириным. ...В центре Москвы убит выстрелом из пистолета и ограблен бухгалтер одной из московских столовых. Преступникам, сумевшим похитить крупную сумму денег, удалось скрыться. Сотрудники Уголовного розыска приступают к расследованию... Другой его соавтор, Михаил Вирт, долгое время сотрудничал в армейской фронтовой печати. Вместе они создали цикл произведений, объединенных главным действующим лицом - полковником милиции Гончаровым. В сборнике публикуется одна из повестей этого цикла «Игра с тенью».

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-489-1

© Самойлов Л. С., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Лев Самойлов, Владимир Гирин	7
Глава I. У комиссара милиции	7
Глава II. Кепка на мостовой	13
Глава III. Допрос	16
Глава IV. Кто был в машине	19
Глава V. Неожиданный вывод	24
Глава VI. Щедрые пассажиры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Лев Самойлов, Владимир
Гирин, Михаил Вирт
Выстрел в переулке**

© Самойлов Л. С., Гирин В. М., Вирт М. З., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Лев Самойлов, Владимир Гирин Выстрел в переулке

Глава I. У комиссара милиции

Рано утром дежурный по Управлению охраны общественного порядка позвонил мне по телефону и сообщил, что комиссар, заместитель начальник управления, может принять меня. Наскоро позавтракав и на ходу раскладывая по карманам документы, записные книжки и карандаши, я вышел на улицу. Мостовая и тротуары были мокры. Сохранившаяся после ночной грозы влажная свежесть чувствовалась в прозрачном воздухе, на траве и деревьях поблескивали невысохшие дождевые капли.

Часы показывали десять, когда, получив пропуск, я направился к указанному мне входу и очутился в саду с подстриженными деревьями, газонами и клумбами цветов. Картина вполне идиллическая. Все дышало миром, покоем, тишиной.

В глубине сада широко раскинулось старинное здание с мощными белыми колоннами. Я вошел внутрь. В коридорах было прохладно и тихо. Из какого-то отдаленного кабинета слабо доносились приглушенные голоса и стрекотание пишущих машинок.

Комиссар был занят, и мне пришлось ждать, правда совсем недолго. Я даже не успел как следует оглядеться, как услышал свою фамилию, и секретарь пригласил меня пройти в кабинет. За большим письменным столом сидел моложавый человек в светлом кителе и писал. Увидев меня, он быстро поднялся и пошел навстречу.

– Извините, задержал.

Мы обменялись приветствиями. Однако телефонный звонок оттянул начало нашего разговора. Комиссар жестом пригласил занять кресло перед его столом и взял трубку.

– Да, это верно, – негромко сказал он. – Бухгалтер столовой Орлов. Убит на улице выстрелом из пистолета. В семь часов вечера... Нет, в сознание не приходил... По-видимому, в целях ограбления. Пока не могу утверждать. Ведется расследование. Нет, нет, один на машине «Волга»... Да, скрылся. Серого цвета... Нет, не такси. Справку об этом я вам послал... Обстоятельное сообщение получите завтра... Я понимаю... Да, завтра... хорошо.

Комиссар говорил тихо, спокойно, но было видно, что он взволнован.

– Прошу прощения. Еще одну минуту... – комиссар снова поднял трубку и набрал нужный номер. – Здравствуйте, Анна Герасимовна! – приветливо сказал он. – Как ваше здоровье? Лучше? Очень рад... А Федор Георгиевич дома? Знаю, что недавно пришел... Но что делать, такая уж у нас участь. Передайте, пожалуйста, что он мне очень нужен.

Комиссар закончил разговор и положил трубку. Затем, вырвав лист из большого настольного блокнота, написал на нем несколько фамилий, вызвал секретаря и распорядился:

– Вызовите всех к одиннадцати часам.

Я огляделся. Кабинет был обставлен легкой, изящной мебелью. Удобные низкие кресла со спинками и сиденьями из поролона. Плоские книжные шкафы, сквозь стекла которых виднелись корешки книг. На полу лежал большой ковер.

Секретарь ушел. Я уже собрался говорить о своем деле, но меня снова прервал телефон. И так несколько раз. Судя по ответам комиссара, чаще всего ему задавали два вопроса: «Как же так, среди бела дня, в центре города допустили преступление?» и «Задержан ли преступник?» Естественно, что на первый вопрос трудно было ответить до окончания расследования. Зато на второй, казалось бы, легкий, вопрос следовало отвечать: «Нет». Однако, каждый раз произнося это коротенькое слово, он хмурился и нервно покусывал губы. Я понимал его состояние.

В открытые окна кабинета из сада вливался нежный аромат цветов. Неожиданно громко прозвучала сирена и послышался шум удаляющейся машины. Комиссар поднял голову, и только сейчас я как следует разглядел его лицо. Оно казалось бледным и очень усталым.

– Слушаю вас.

– Товарищ комиссар, вам, конечно, известно полученное мною задание?

– Да, мне звонили из редакции. Я могу только приветствовать ваше желание написать серию очерков о передовых людях милиции.

– Не могу ли я...

– Можете, – улыбнулся комиссар. – Я распоряжусь, чтобы вам дали материалы. Если будет какая заминка, обратитесь ко мне.

Такой «бумажный» способ знакомства с людьми меня мало устраивал, и я в этом откровенно признался.

– Что же вы хотите? – комиссар откинулся в кресле.

– Хочу лично познакомиться с людьми, присмотреться к их работе.

Несколько мгновений мой собеседник задумчиво смотрел в сторону, что-то соображая, прикидывая, потом решительно сказал:

– Хорошо. Я предоставлю вам эту возможность, но...

– Слушаю вас.

– Давайте так договоримся. Ваши очерки будут не о гениальных одиночках, все видящих и все знающих, а о рядовых в синих шинелях, о тех, кто по воле партии, по зову сердца пошел на большую и трудную работу «ассенизаторов и водовозов, революцией мобилизованных и призванных». Помните Маяковского?

Я не успел ответить, вошел секретарь и доложил о приходе Гончарова. Темноволосый, большелобый, среднего роста, с невозмутимым лицом, майор милиции, несколько тяжеловато ступая, подошел к нам и произнес глуховатым голосом:

– Здравствуйте, товарищ комиссар, явился по вашему приказанию.

– Садитесь. Мне пришлось вас срочно вызвать. Как идет расследование по делу Орлова?

Гончаров посмотрел на меня, потом перевел взгляд на комиссара. Тот познакомил нас и сказал:

– Можете говорить.

Майор доложил, что вчера, сразу же после убийства и бегства преступников на машине, была организована силами милиции и дружинников проверка всех гаражей и стоянок автомашин. В три часа ночи в гараже одного из научно-исследовательских институтов сотрудники Уголовного розыска вместе с представителем автоинспекции обнаружили машину «Волга» серого цвета с глубокой царапиной на кузове, похожей на след пули. Вскоре был задержан и шофер Савушкин. Он спал дома пьяный.

Комиссар огорченно пожал плечами.

– Значит, пока еще нет никаких улик. В серый цвет окрашивают много автомашин, а происхождение царапины не выяснено. Что говорит Савушкин?

– Уверяет, что ездил к больной тетке в Клин и вернулся в гараж поздно вечером.

– Ну, вот видите... А кто ему разрешил уехать с работы по личным делам?

– Никто не разрешал. Я его допрашивал сегодня рано утром. Сперва он заявил, что был выходной и в этот день не работал. Потом «вспомнил», что ездил по вызову заместителя директора института, а в конце концов сказал, что все это неправда, что он обманул заведующего гаражом и ездил не по вызову, а к тетке в Клин.

– Как он объясняет царапину на машине?

– Говорит, какой-то мальчишка бросил камень. Как только получу заключение экспертизы, снова вернусь к этому вопросу.

– Савушкин в прошлом судился?

- Нет. Имел взыскание за нарушение правил уличного движения.
- Это еще ни о чем не говорит. Насчет тетки выяснили?
- По телефону мы связались с Клином, просили выполнить наше поручение. Ответа ждем с минуты на минуту.
- Надо было срочно проверить! – недовольным голосом заметил комиссар. – Кто ведет расследование?
- Опергруппу возглавляет заместитель начальника райотдела милиции капитан Дроздов. От прокуратуры – следователь Коваленко.
- Хорошо, – комиссар помолчал. – Вот что. Вам я поручаю руководить оперативным расследованием по этому делу и лично с вас буду спрашивать.
- Слушаюсь! – Гончаров сделал движение, чтобы встать, но комиссар задержал его.
- Обыск у Савушкина произвели?
- Да, но ничего не нашли, кроме черной кожаной куртки, в которую, со слов свидетелей, был одет преступник.
- Кожаная куртка? У какого шофера ее нет? Вы установили, из какого оружия стрелял преступник?

Та самая столовая.

- Судя по подобранной гильзе, из пистолета калибра 7,65.
- Что говорит директор столовой?
- Он еще не допрошен.
- Почему? – удивился комиссар.
- Мы не могли сразу установить личность убитого, при нем не оказалось никаких документов.
- Как же вы узнали?
- При осмотре его вещей на внутренней стороне крышки часов оказалась надпись: «Дорогому И. И. Орлову в день пятидесятилетия от сослуживцев», – и дата. По этой дате, вычислив год рождения, мы узнали в адресном бюро его адрес.

– Понятно, – нетерпеливо перебил комиссар, – но откуда и когда стало известно, что Орлов нес деньги в банк?

– Сегодня утром от сотрудников столовой. Орлов почему-то не стал дожидаться инкассатора. Подробности не знаю. Сейчас поеду в отделение к Дроздову и все уточню.

– Надо наращивать темпы расследования! – Гончаров в ответ только вздохнул. – Убийца на свободе, и этого нельзя забывать ни на минуту. – После короткой паузы комиссар добавил: – В ваших возможностях, товарищ майор, эти темпы ускорить. Машину Савушкина хорошо осмотрели?

– Кроме царапины, ничего существенного не обнаружено. Я проверю еще раз.

– Да, да! Обязательно проверьте!

Комиссар вытащил из ящика стола блокнот и сделал в нем несколько пометок, видимо для памяти.

– Все проверьте, – продолжал он, не теряя нити разговора. – Однако расследование надо вести и в другом направлении. Это ведь не мелкая карманная кража в толпе у какого-то ротозея. Здесь все заранее продумано и подготовлено. А нередко бывает так, что преступления, которые сложно совершить, легко раскрываются. Естественно, что здесь мы с вами не сумеем так, с ходу выявить все обстоятельства дела. Слишком много неизвестного. Ясность придет в процессе разбора, исследования данных, полученных при осмотре, но кое-что уже сейчас бросается в глаза. К примеру, кто мог совершить это преступление? Тот, кто знал, что Орлов, а не инкассатор банка понесет деньги, и какой дорогой он пойдет, и даже время, когда это будет происходить. Но ведь все это могли знать только очень немногие сослуживцы Орлова. Выявить их – первая и главная задача, которую вы должны решить. Правильно?

– Резонно.

– Заодно надо выяснить, кто и почему разрешил бухгалтеру относить дневную выручку в банк, не дожидаясь приезда инкассатора. Это же вопиющее нарушение правил!

– Слушаюсь, будет сделано.

– И вот еще что, – продолжал комиссар, – немедленно через научно-технический отдел исследуйте, как давно снимался с машины номер. Очень странно, почему никто не заметил номера, а он должен был быть. Может быть, и фальшивый, но был.

– Номер был, но люди растерялись и...

– А почему постовой не записал номер? Тоже растерялся?

– Вряд ли. Вы его, наверное, помните, он этой весной спас двух ребятишек во время ледохода. – Гончаров посмотрел в мою сторону и добавил: – Шалили на льду, льдина перевернулась, и они свалились в воду.

– А-а, – протянул комиссар, – конечно, помню! Крылов – его фамилия. Хороший милиционер. Почему же теперь он так оплошал?

– Вчера я выезжал на место происшествия, – ответил Гончаров. – Вы разрешите, вот план.

Гончаров не торопясь развернул принесенный им большой лист бумаги, свернутый в трубку, скатал его в обратную сторону, чтобы выпрямить, разложил на столе и стал объяснять:

– Это Земляной вал. Вот улица Карла Маркса. Здесь Гороховский переулок. Видите, он сразу круто сворачивает в сторону, и если глядеть с улицы, то можно подумать – это тупик. Крылов услышал выстрел, – Гончаров взял из резной деревянной кружечки на столе комиссара карандаш и указал место на плане, – когда был вот здесь, около входа в сад имени Баумана, это метров семьдесят пять – сто от Гороховского переулка. Прибежав, он увидел лежащего на тротуаре мужчину и на полном ходу, уже на повороте, автомашину, серую, без шашек. Он крикнул: «Стой!» Побежал за машиной и дал предупредительный выстрел. Машина не останавливалась. Он выстрелил второй раз. Но когда добежал до поворота, она уже исчезла из виду. Организовать погоню было поздно и бесполезно. Постовой немедленно сообщил дежурному по городу. Были поставлены в известность все посты и контрольные пункты, и все же машине

удалось скрыться. Плохо, конечно, что милиционер номера не заметил, но вы обратили внимание, как вчера вечером перед грозой стало темно, а потом, словно нарочно, хлынул сильный дождь...

Комиссар слушал, глядя то на Гончарова, то на план, лежавший на столе, и не перебивал.

– Ваши объяснения убедительны, товарищ майор, – медленно проговорил он, – но факт остается фактом. Совершилось преступление, рядом был милиционер, который вместо того, чтобы умело организовать погоню, дал преступнику возможность скрыться. Прошу произвести тщательное служебное расследование.

– Слушаюсь!

– Вы понимаете, как мы виноваты? Нами для изобличения убийцы еще фактически ничего не сделано, а время не ждет.

Комиссар снял с маленького настольного коммутатора трубку и нажал один из никелированных рычажков.

– Товарищ Юдин? Здравствуйте. По делу Орлова задержана автомашина... Да, да. Кто занимается экспертизой? Профессор Черпаков? Отлично. Попросите его позвонить мне... У вас? Очень кстати! Передайте ему трубку. Здравствуйте, Василий Николаевич! Как чувствуете себя? Очень рад. Одолел, наконец, вашу «Судебную баллистику». Есть несколько замечаний, ну, да это при встрече. Скажите, что за царапина на вчерашней автомашине? Пробоина? Стало быть, камедь исключается. Так, так. Огнестрельное оружие большой силы. Да, милиционер стрелял из пистолета системы Макарова. Понятно. Спасибо, желаю здоровья. – Положив трубку, комиссар задумался, побарабанил пальцами по столу и уже спокойно сказал: – Теперь у меня сомнений нет. Все же работы по этому делу будет еще много. Может быть, Дроздову не хватает работников, мобилизуйте из нашего аппарата. Впрочем, вам на месте будет виднее. Докладывайте регулярно, как пойдет расследование.

– Слушаюсь!

– Савушкин женат?

– Так точно.

– Допросите лично жену Савушкина. Ее показания могут иметь решающее значение. И смотрите, как бы она не перепрятала деньги и оружие. Это создаст дополнительные трудности в расследовании.

– Я это учитываю.

– У вас есть еще что-нибудь?

Гончаров молча протянул пачку фотографий. Комиссар мельком взглянул на них и передал мне. Это была серия обзорных снимков места происшествия с отметками красной тушью: крестиком – стоянка машины и стрелкой – направление, по которому она скрылась. Я рассматривал четкие фотографии улицы, живо представляя происшедшую там человеческую трагедию. Острое профессиональное любопытство овладело мной. Я понял, что имею возможность непосредственно «на поле битвы» увидеть работу тех, кто, не щадя жизни, очищает нашу землю от всякой нечисти.

– Товарищ комиссар, – воспользовавшись наступившим молчанием, сказал я, – разрешите мне присутствовать при допросе задержанного преступника.

– Это я имел в виду, – ответил комиссар, – поэтому-то и задержал вас у себя. Поезжайте! Посмотрите, как мы работаем. Федор Георгиевич, возьмите с собой товарища. – Комиссар встал, мы тоже поднялись. Подойдя к Гончарову и придерживая его за руку, комиссар добавил: – Постарайтесь все основное закончить сегодня. И имейте в виду, еще очень многое неизвестно. В чьих руках оружие, где деньги, кто помогал? Не исключена возможность повторения подобного. А вы, – обратился комиссар ко мне, – теперь будете на переднем крае. Это, конечно, лучший путь.

Комиссар хотел еще что-то добавить, но вошедший секретарь доложил, что вызванные сотрудники собрались и ожидают в приемной. Часы гулко пробили одиннадцать раз.

Глава II. Кепка на мостовой

Из приемной Гончаров позвонил в гараж, вызвал машину и затем, как мне показалось, довольно сухо пригласил меня. Мы молча спустились к выходу.

Когда машина подошла, я спросил:

– Может быть, вы недовольны моей просьбой? Скажите, я сейчас же уйду.

– Что вы! – неожиданно горячо запротестовал майор, приподнимая брови и глядя на меня чуть покрасневшими от бессонницы глазами. – Чем же мне быть недовольным? – Он взял меня под локоть, дружески подсадил в машину и занял место рядом. – У меня, наверно, такой вид, недовольный. Так на это есть основание. Да вы не обращайтесь внимания. С чего это вы взяли, право! Пожалуйста, смотрите, наблюдайте, только...

Шофер обернулся и вопросительно посмотрел на Гончарова. Майор назвал адрес, и машина тронулась.

– Только не вмешиваться? – спросил я, полагая, что именно об этом он хотел меня просить.

– Нет, – рассмеялся Гончаров. – Только вряд ли это будет так интересно, как кажется. Ведь у нас все буднично. Работа и еще раз работа.

– Как раз ваша работа мне и нужна. И не так уж у вас буднично, товарищ майор. Раскрытие преступления – разве это не романтика?

– Ого, какой вы! – усмехнулся Гончаров. – Вообще-то в известной мере вы правы. Но поверьте, наша романтика состоит из множества мельчайших деталей, подробностей, самих по себе малопривлекательных, но совершенно обязательных, «железных», как мы иногда их называем.

– А дело Савушкина?

Гончаров пожал плечами.

– Дело как дело, а в общем не знаю. Пока ничего не знаю.

– Но это неприятная для вас история?

– Как всякое убийство. И почему только для нас? – возразил майор. – Разве преступление касается только потерпевшего и милиции? Оно враждебно всему нашему обществу, нашему укладу жизни. Но ведь кому-то надо заниматься этим делом... – усмехнулся майор. – Это и снижает наш интерес к романтике.

Машина замедлила ход и остановилась. Я взглянул на часы, было без четверти двенадцать.

Кабинет заместителя начальника райотдела милиции находился в конце длинного коридора. Мы уже были у дверей кабинета, когда к нам подошел младший лейтенант милиции и, подняв руку к козырьку, доложил, что майора Гончарова спрашивают из управления. Гончаров направился к телефону, а я постучал в дверь и вошел.

Девушка в белой блузке прекратила печатать и вопросительно посмотрела на меня. Я назвал ее и спросил, могу ли видеть капитана Дроздова. Она быстро прошла к двери в смежную комнату и, слегка приоткрыв ее, сказала негромко:

– Приехал писатель.

– Пусть войдет, – послышался звонкий голос.

– Пожалуйста, проходите. – Девушка посторонилась и пропустила меня.

– Входите, входите, товарищ! Жду вас!

Навстречу мне шел высокого роста молодой офицер и приветливо улыбался.

– Капитан Дроздов, – представился он. – Комиссар звонил мне по телефону. Очень рад. Присаживайтесь вот сюда, на диван.

Поначалу разговор не завязывался. Капитан ждал Гончарова, и ему было не до посторонних.

– Какие новости? – спросил Гончаров еще на пороге кабинета. – Комиссар недоволен, нервничает. Говорит, что расследование идет односторонне, без учета всех версий. Что удалось узнать?

Гончаров снял пиджак, повесил его на спинку стула, отстегнул пуговицу у воротника, растянул петлю галстука и уселся рядом со мной на диван.

– Много нового, товарищ майор! – поспешно и, как мне показалось, радостно ответил Дроздов.

– Да? Интересно. Неужели деньги или оружие нашли?

Дроздов покачал головой.

– Пока нет. Во-первых, нам позвонили из Клина, сообщили, что Савушкин не был у своей тети с позапрошлого воскресенья, а во-вторых, к нам пришла одна гражданка и принесла кепку, выпавшую из машины.

– Какую кепку? Из какой машины?

– Полагаю, что кепку Савушкина. Кого же еще?

– Не понимаю.

– А вы сами с ней поговорите.

– С кем, с кепкой?

– С Кедровой. Я ее сейчас приведу.

Дроздов быстро вышел из кабинета и скоро вернулся с молоденькой миловидной женщиной, держащей на руках грудного ребенка в белом кружевном конвертике. Женщина села в кресло возле письменного стола, поправила свое голубенькое с цветочками платье, заглянула в конвертик и, найдя там все в порядке, посмотрела на нас.

– Будьте добры, – сказал Дроздов, – повторите товарищам показания, которые вы дали следователю прокуратуры.

– Сначала?

– Да, пожалуйста.

Женщина помолчала, потом не торопясь негромко стала рассказывать:

– Значит, так. Вчера вечером я возвращалась домой. Я была у мамы. Она живет на улице Баумана, а я – в Гороховском переулке. Потемнело, начался дождь. Вдруг слышу выстрел. Я испугалась, конечно, и остановилась. Откуда, думаю, что такое? В это время мимо меня пронеслась машина серого цвета, легковушка, и я увидела, как из окна, где сидит шофер, что-то упало. Мне показалось, что с головы шофера... Я подбежала и подняла. Оказалась кепка, немного поношенная. Вот она, лежит на подоконнике в газете.

Гончаров встал, подошел к окну, развернул газетный сверток и достал из него шерстяную коричневую кепку. Осмотрев кепку, он снова аккуратно завернул ее и положил на прежнее место.

Показания Кедровой действительно много стоили, и, по-видимому, Гончаров придавал им серьезное значение. Это подметил и Дроздов. Он улыбался, ободряюще глядя на молодую женщину.

А Кедрова продолжила свой рассказ:

– Вначале я хотела бросить ее, но мне показалось, что между стрельбой и автомашиной имеется какая-то связь. Я даже подумала, надо сейчас же эту кепку отнести в милицию, может быть, она будет нужна, но тут пошел сильный дождь, и я заторопилась домой, а потом началась гроза, и я уже из дому не выходила... Я бы вчера еще ее принесла, да так уж получилось, – извиняющимся голосом проговорила женщина.

Она склонилась к ребенку, спавшему у нее на руках. Розовое личико его было серьезно и хмуро.

– Скажите, номер машины вы не заметили? – спросил Гончаров.

– Нет. Меня товарищ следователь уже спрашивала. Ах, как жаль, что я не догадалась!

– Машина быстро промчалась мимо вас?

– Очень быстро. Я даже испугалась, когда она завизжала на повороте в Малый Демидовский переулок. Ее так швырнуло.

– И вы видели, как кепка слетела с головы? – уточнял Гончаров.

– Да. Кепка вроде как мелькнула и упала на мостовую.

– По ходу машины вы стояли с левой или с правой стороны?

– Дайте сообразить. Значит, так. Машина шла от улицы Карла Маркса, – Кедрова помогала рукой объяснить направление, – а я стояла напротив школы, значит, с правой стороны. С правой! – твердо заключила она.

Дальнейшие показания Кедровой интереса не представляли, однако Гончаров, не перебивая, выслушал ее внимательно до конца.

– Большое вам спасибо, – сказал он, вставая. – Вы нам очень помогли. Извините, что задержали. Небось своих дел невпроворот.

Мы тоже поднялись со своих мест.

– Пожалуйста, – смутилась Кедрова. – Только что же я сделала? Кепку подобрала да принесла...

– Это для нас очень важно, поверьте. Еще раз спасибо. А малышка у вас понятливый. Молчит, знает, что мама по серьезному делу пришла.

– Он у меня умненький, – порозовела от удовольствия Кедрова и, прощаясь, протянула руку.

С минуту мы стояли, не говоря ни слова. Первым нарушил молчание Гончаров:

– Молодец! Не посчиталась со временем, пришла.

– А как же? Без таких помощников грош нам цена, – отозвался Дроздов.

– Верно! – кивнул головой Гончаров. – Ну, ладно. Возьмемся за работу. Значит, Савушкин у тетки в Клину не был. Так, так. Товарищ капитан, следователь прокуратуры у вас? Я бы хотел вместе с ним допросить Савушкина. Скажу по совести, кое-какие детали мне еще не совсем ясны.

Через несколько минут в кабинет вошла молодая женщина в строгом черном костюме, на лацкане которого поблескивал университетский значок. Она приветливо улыбнулась нам. Меня представили. Это и был следователь прокуратуры Вера Анатольевна Коваленко.

Глава III. Допрос

Савушкин слегка сутулый, лет 35–37, с бледным, небритым, ничем не примечательным лицом. Такие лица обычно не запоминаются. Чувствовалось, что он испуган и насторожен. У него был вид человека, страдающего головной болью и не выспавшегося. Помятый костюм, расстегнутая рубашка усиливали неприятное впечатление.

Савушкину предложили сесть. Он тяжело опустился на стул, обвел нас слегка припухшими глазами и почему-то шепотом попросил дать ему покурить. Гончаров протянул портсигар. Поблагодарив, Савушкин взял папиросу и закурил. Однако после первой же затяжки поморщился и погасил папиросу. Вкус табака, видимо, был ему противен.

Коваленко взяла пачку бланков допроса и приготовилась записывать показания.

– Гражданин Савушкин, – отчетливо выговаривая каждое слово, начала она. – Я уже вам говорила, вы обвиняетесь в том, что двадцать седьмого июня сего года в девятнадцать часов десять минут в Гороховском переулке в целях ограбления выстрелом из пистолета убили бухгалтера столовой гражданина Орлова Ивана Ильича и похитили у него портфель, в котором он нес казенные деньги. Признаете себя виновным?

– Пустышку тянете, – ответил Савушкин хриплым, простуженным голосом. – Никого я не убивал и не грабил.

– Хорошо, я так и запишу: «Виновным себя не признаю».

Я обратил внимание, как старательно и аккуратно Коваленко выводила каждую букву. «Чистюля», – мелькнула смешливая мысль.

– Разрешите, – обратился Гончаров к следователю и, в свою очередь, спросил: – Гражданин Савушкин, где вы были и что делали вчера до момента вашего задержания?

Савушкин заерзал на стуле.

– Где я был? – спросил он, делая ударение на слове «где».

– Да, где вы были?

– Ну, взял машину, заправил бензином у колонки. Есть у нас там возле гаража. Ну и поехал в Клин, к тетке, больна она.

– Это неправда, – сказал Гончаров. – После первого допроса мы выяснили: тетушка ваша давно поправилась. К тому же вы не были у нее с позапрошлого воскресенья.

– Я говорю, хотел поехать. По дороге раздумал...

– Ах, вот как! Хотели поехать, раздумали и вернулись в гараж?

– Да, у меня не ладилось с зажиганием, и я вернулся обратно.

Вмешалась Коваленко:

– Это уже четвертая придуманная вами версия. От трех вы сами отказались. Говорите правду, где вы были?

– Я правду говорю.

– Ладно, не будем спорить. Сколько времени пользовались машиной?

– Не помню.

– А где пили вино?

– К обеду выпил сто грамм и кружку пива.

– Где обедали?

– В какой-то столовой.

– В какой? Где?

– Не помню.

– Когда обедали? До или во время поездки?

– Во время.

– Когда же это было?

Савушкин пожал плечами, опустил голову и не ответил.

– Вы уехали из гаража в шестнадцать часов, вернули машину в двадцать один час. Где вы были пять часов?

Не получив ответа, Коваленко предложила Савушкину по часам последовательно рассказать, куда он поехал из гаража, какой дорогой, где находился целый день и вечер.

Но Савушкин никак не мог толком объяснить, где был и что делал. По его словам получалось, что все время он находился либо по дороге в Клин, либо по дороге из Клина.

Все мы внимательно наблюдали за Савушкиным, а тот заметно нервничал, старался отвести глаза и, опустив голову, время от времени озирался исподлобья.

Неожиданно Гончаров спросил:

– Где ваш головной убор?

– Потерял я кепку.

– Где?

– Не помню.

– Это ваша? – Гончаров протянул Савушкину кепку.

Тот несколько мгновений присматривался к ней, потом взял, надел на голову – пришлось в точности.

– А я-то ее искал, искал... Где вы ее взяли, начальник?

– Мы ее взяли в том месте, где был убит бухгалтер Орлов, – твердо сказал Дроздов.

Савушкин откинулся на спинку стула и, не моргая, смотрел на капитана. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Вдруг он вскочил, сорвал с головы кепку и с размаху бросил ее об пол.

– Я убил? – захрипел Савушкин, будто страшный смысл этих слов только сейчас дошел до его сознания. – Что же это делается, товарищи?! Ну выпил, ну был в нетрезвом виде, ну побили мне машину, согласен, каюсь, штрафуйте! Отбирайте права! Но за что же держать меня, таскать по милициям, да еще заявлять, что я убил... Никого я не убивал! – кричал он. – Это не моя кепка. Что, на ней написано, что она моя? Вы подобрали ее где-то, да мне и приписываете.

– Успокойтесь, Савушкин, не шумите, – негромко сказал Гончаров, – кепка ваша, и о ней разговор окончен. Скажите, где вы поцарапали машину?

Савушкин тяжело дышал и ничего не говорил. Наконец, овладев собой, ответил:

– По дороге из Клина какой-то мальчишка камень бросил.

– Неправда, – спокойно сказал Гончаров. – От камня, брошенного рукой мальчика, такого следа быть не может. Экспертиза уже установила, что это след пули.

– Не знаю, ничего не знаю.

– Подумайте, Савушкин, – снова вступила в допрос Коваленко. – Дело серьезное, отмахнуться словами от него нельзя. От ваших показаний многое зависит. Мы можем не знать некоторых подробностей. Расскажите о них. Объясните, что вас толкнуло на преступление. Ведь мы все равно узнаем. Сказать правду – в ваших интересах. Поймите, правдивые показания могут облегчить вашу участь.

Коваленко говорила доброжелательно, словно перед ней находился тяжело больной человек, отказывающийся принять лекарство.

– Вы только послушайте, Савушкин, что говорят факты, – продолжала она. – Вчера вечером убит бухгалтер столовой Орлов, у которого похитили портфель с деньгами. Я утром спрашивала у вас, где вы были вечером. Вы несколько раз меняли показания.

Коваленко взяла дело, лежавшее у нее на столе, и быстро нашла нужный ей документ.

– Вот вы ответили, так и записано в протоколе допроса: «Сегодня днем я ездил к своей тетке, проживающей в Клину по Садовой улице в доме № 4, и вернулся от нее часов в десять вечера». Проверяю ваши показания – оказывается, ложь. Не ездили вы к тетке и не были у нее около двух недель. Так или не так?

Савушкин молчал. Он сидел, опустив голову на руки, облокотившись на колени, и, сжимая пальцами виски, глубоко вздыхал.

– Далее, преступник был на автомашине «Волга» серого цвета, точно такой какую водите вы. Когда он бежал на ней с места преступления, старшина милиции Крылов выстрелил вслед. На вашей машине обнаружена пулевая пробоина. Я спрашиваю: откуда она? Вы отвечаете, какой-то мальчик бросил камень. Ложь! Экспертиза установила, что это не след камня, брошенного рукой ребенка, а след пули.

Савушкин продолжал молчать.

– Но и это не все. Очевидны, как один, повторяют: стрелял в Орлова человек в черной кожаной куртке. Я спрашиваю: вы носите черную куртку? Вы отвечаете: да. Что это, совпадение? Нет! На месте преступления найдена кепка, утерянная человеком, убившим Орлова. Ваша кепка? Ваша. Вы понимаете теперь всю нелепость запирательства?

Савушкин молчал.

– К чему лгать? Ведь вам ясно, что главное мы знаем. Знаем и требуем: сдайте оружие и похищенные деньги.

– Ничего не знаю. Делайте со мной, что хотите, а я ничего другого не скажу, – угрюмо повторял Савушкин. Безжизненное лицо его стало серо-пепельным.

– Может быть, тогда вы скажете, что за тридцать рублей пытались от нас спрятать? – задал вопрос Дроздов.

– Какие тридцать рублей? – с деланным недоумением переспросил Савушкин.

– А те, что были обнаружены у вас в сапоге.

Некоторое время Савушкин молчал.

– Мои это деньги. Подумаешь, капитал! Я ведь работаю, – сказал он и еще ниже опустил голову.

Получив примерно такие же ответы и на последующие вопросы, Коваленко отодвинула в сторону протокол и посмотрела на Гончарова.

– Отправим его обратно? – предложил майор.

– Придется. Гражданин Савушкин, прочтите и, если ваши показания записаны правильно, подпишитесь.

Савушкин стал медленно читать, шевеля губами.

– Вы разбираете мой почерк? – спросила Коваленко.

– Разбираю. Где подписываться-то?

Когда протокол был подписан, Савушкин тяжело поднялся со стула. Дойдя до двери кабинета, он остановился, будто хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Глава IV. Кто был в машине

Глубоко задумавшись, Гончаров неподвижно сидел у края стола. Если бы не быстрые взмахи пальцев, вертевших спичечный коробок, можно было бы подумать, что он дремлет. Но вот он встал, положил спички в карман и, подойдя ко мне, спросил:

– Я вижу, вы чем-то удивлены?

– Упрямством Савушкина. Бессмысленным отрицанием! Никак не могу объяснить его поведения.

– Да-а, всякое бывает, – неопределенно протянул Гончаров.

– Что же вы будете делать, товарищи, если Савушкин не захочет сознаться? – спросил я.

– Работать, – лаконично отозвался Гончаров. – Товарищ Дроздов, дайте команду срочно вызвать директора столовой. Он очень нужен.

Дроздов нажал кнопку, из соседней комнаты донесся слабый дребезжащий звонок, и в дверях появилась уже знакомая нам девушка с небольшим листком бумаги в руке. Она молча остановилась на пороге.

– Товарищ Зайцева, ко мне есть кто-нибудь?

– Есть. Я составила список.

Она подошла к столу и передала листок.

– Пусть посетителей примет старшин лейтенант Андреев, а вы отложите все дела и срочно вызовите директора столовой Никитина. Телефон столовой у вас есть.

Зайцева вышла.

– Вера Анатольевна, не пришло ли время побеседовать с нашими немymi свидетелями? – сказал Гончаров.

– Их немного, Федор Георгиевич, – в тон ему ответила Коваленко. – В машине Савушкина найдено всего-навсего несколько горелых спичек, окурков, волос какой-то. Я посылаю их в научно-технический отдел.

– Правильно делаете. А сейчас, если не возражаете, мне бы хотелось посмотреть на это хозяйство.

– Пожалуйста. Пройдемте в соседний кабинет. Материалы там.

– Идемте, – Гончаров снял со спинки стула пиджак и надел его.

Письменный стол, широкий деревянный шкаф и десяток стульев занимали почти весь узкий и длинный кабинет, в котором работала следователь прокуратуры.

– «Разложил товар купец», – пошутил Гончаров. – Показывайте, Вера Анатольевна.

– Садитесь за «прилавок», товарищи покупатели.

Коваленко, улыбаясь, усадила Гончарова на свое место за столом, а сама прошла в угол комнаты и открыла шкаф.

Три крошечных конверта, извлеченные ею из папки, легли перед майором.

– Не густо, – покачал тот головой.

В одном бумажном конверте лежали три обгорелые спички, в другом – окурочок папиросы. Содержимое третьего, целлофанового, состояло всего-навсего из одного волоса.

– Ну что ж, – придвинул к себе конверты Гончаров, – спички отложим в сторону, я в них ничего не понимаю, возьмем папиросу.

Он осторожно вынул пинцетом окурочек. Бросилась в глаза часть мундштука, окрашенная в ярко-красный цвет.

– Какая яркая помада! – сказал Гончаров.

– Этот цвет так и называется – ярко-морковный, – заметила Коваленко.

– Машиной пользуется профессор...

– Директор научно-исследовательского института Кадомцев. Большая величина в ученом мире, – подсказал Дроздов.

– Он женат?

– Не знаю, – ответил Дроздов.

Вмешалась Коваленко:

– Да, я проверила. Сегодня утром позвонила по телефону в институт и разговаривала с профессором. Товарищ Кадомцев обещал быть у нас без четверти четыре. – Она посмотрела на маленькие ручные часики. – Сейчас три, через сорок пять минут профессор должен быть здесь.

Я слушал Коваленко, ее нежный, приятный голос и думал о том, что, пожалуй, никто никогда, встретив впервые эту молодую сероглазую женщину, не догадался бы о ее профессии, о ее тяжелом труде следователя.

– Хорошо, благодарю вас. – Гончаров еще некоторое время разглядывал со всех сторон окурки, потом бережно уложил его обратно в конверт. – Надо выяснить один весьма существенный вопрос, – сказал он. – Как давно снимался с машины номер?

– Номер вообще не снимался, – ответила Коваленко. – Эксперт осматривал машину и установил, что номер надет давно и в последнее время не снимался. Письменное заключение будет готово к вечеру.

Гончаров внимательно выслушал, кивнул головой и тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

– Я так и думал...

При этой реплике широко раскрыла глаза Коваленко, странно посмотрел на Гончарова Дроздов, и, по совести говоря, только я в этот момент еще не понимал причины их удивления.

– А вот, товарищ майор, еще один немой свидетель, – Дроздов взял со стола и передал в руки Гончарова целлофановый конверт.

– Ну, тут без увеличительного стекла не обойтись.

– У меня есть лупа, пожалуйста, – Коваленко вытащила из стола и протянула Гончарову большую лупу.

– Так, так, – Гончаров щелкнул пальцем по целлофановому конвертику, – что нам расскажет этот немой свидетель? – Ему, по-видимому, понравилось это выражение.

Осторожно, тем же пинцетом, майор вынул из пакетика волосок, положил его на предварительно разостланный на столе чистый лист бумаги и стал внимательно рассматривать через увеличительное стекло.

– До отправки в НТО давайте хотя бы предварительно уясним, что собой представляет эта улика.

Я не выдержал:

– Федор Георгиевич, извините, что вмешиваюсь, но, по совести, разве сейчас не зря тратится время? Ведь Савушкин достаточно изобличен. Что может дать какой-то волос, пара горелых спичек или окурки? Улик и без того множество, что же нам еще надо?

Не отвечая, Гончаров взял со стола линейку, измерил волос в длину.

– Ишь ты, какой длинный, – сказал он, – двадцать девять сантиметров! – Только после этого майор посмотрел в мою сторону. – Значит, по-вашему, осталось совсем немного? Так сказать, поединок, лицом к лицу, кто кого? Я же вам говорил, что наша романтика состоит из множества малоинтересных, но обязательных деталей. И то, что вы сейчас называете ненужной тратой времени, возможно, даст ответ на еще не решенную задачу.

– Не решенную? – удивился я.

Гончаров промолчал. Закончив исследования, он уложил волос в пакет, спрятал лупу и сказал:

– Ну что же, друзья, кое-какими новыми данными мы обогатились. По структурному строению это волос человека и, судя, по его длине, принадлежит, вернее – принадлежал, жен-

щине. Итак, мы знаем, женщина курит и красит губы помадой ярко-морковного цвета. К этому теперь мы можем добавить, что она крашенная блондинка и носит короткую прическу.

– Откуда вы все это узнали? – недоверчиво спросил я.

– Не хитрое дело. Для этого даже не обязательно быть парикмахером, я уже не говорю – Шерлоком Холмсом. Дело в том, что обычно волос к своему окончанию постепенно утончается и имеет иглообразный вид. Иногда вершина его расщепляется, как говорят судебные медики, «метелочкой». А так как у этого волоса окончание ровное, следовательно, волос обрезан и, вероятней всего, острижен ножницами.

– Но, может быть, он не острижен, а женщина случайно оборвала его, поправляя прическу? Может такое случиться? – не сдавался я.

– Нет, не может. Если волос оборвать, то место разрыва будет не ровное, а ступенчатобразное. Окончание волоса успело несколько зашлифоваться, надо полагать, стриглась эта женщина не менее двух-трех недель назад. Это уточнит специалист.

– А как вы установили, что это крашенная блондинка?

– Очень просто. Весь волос светлый, а у корня темный. За время, прошедшее после стрижки и окраски, волосы отросли, и корни имеют естественный цвет.

– Однако еще неизвестно, чей это окурок и чей волос. Может, и то и другое принадлежит жене профессора или вообще попало в машину случайно, – сказал я.

– Проверим, – спокойно ответил Гончаров. – Наша обязанность не отвергать никаких предположений, пока не будет доказано, что они неверны. Кстати, вы видели когда-нибудь завитую женщину после купанья или попавшую под дождь?

– Видел, – ответил я, не понимая смысла вопроса. – А при чем здесь...

– Тогда вы, очевидно, заметили, что при перманенте мокрые волосы выются мелкими кудряшками.

– Как у барашка, – улыбнувшись, добавила Коваленко.

Я вынужден был признаться, что до сих пор не обращал на это внимания. Гончаров продолжал:

– При других способах завивки волосы, наоборот, от воды расправляются и висят как солома. Если волосы выются от природы, то они остаются без изменения. Так вот, положенный в блюдо с водой волос или завьется, или выпрямится, или останется без изменения. Таким образом, мы можем узнать, какую прическу носит наша незнакомка.

– Давайте сделаем этот эксперимент, – предложил я, хотя, признаться, мне и без того все уже было ясно.

– Ваше мнение, Вера Анатольевна? – спросил Гончаров.

– Вообще-то всякие испытания и эксперименты с вещественными доказательствами должен делать только эксперт. Их надо протоколировать, но дело у нас срочное, время не ждет, давайте. Потом составим соответствующий акт. Отвечать вместе будем.

Принесли блюдечко с водой. В торжественной тишине волос был опущен в воду и свернулся в колечко.

– У нее перманент! – воскликнул я.

– Правильно. Видите, сколько мы узнали о нашей незнакомке по одному только волосу! Теперь нам ясно, что Савушкин возил в машине женщину. Мало того, мы можем сказать, что возил он ее не далее чем вчера, судя по свежести окурка и помады. Конечно, не исключена возможность, что жена профессора Кадомцева курит и красит губы яркой помадой и что именно она была в машине.

– По-моему, это исключено, – вмешался Дроздов. – Если бы Савушкин возил вчера жену профессора, он сам сказал бы нам об этом. Зачем ему скрывать?

– Логично, – одобрил майор.

На пороге комнаты появилась Зайцева и доложила, что приехал профессор Кадомцев. Это было очень кстати. Все мы перешли в кабинет Дроздова, куда секретарь пригласила профессора. Мы увидели невысокого роста, средних лет мужчину в очках, одетого в модный, заграничного покроя костюм, чисто выбритого и надушенного.

– Мне нужен товарищ Коваленко, – отчетливым, хорошо поставленным голосом произнес он. – Я Кадомцев.

После того как Коваленко познакомила профессора со всеми нами, она сказала:

– Очень жаль, товарищ Кадомцев, что мы отнимаем у вас драгоценное время, но чрезвычайные обстоятельства, так сказать ЧП, вынуждают это сделать.

– Чем могу быть полезен? – сдержанно отозвался профессор. У него были быстрые поблескивающие глаза.

– Нами задержан ваш шофер Савушкин по обвинению в совершении убийства с целью ограбления.

Профессор был поражен. Он вынул очки, надел их, тут же снял и положил в карман.

– Это невероятно! Он, что же, задавил кого-нибудь?

– Нет, – ответила Коваленко и, в свою очередь, задала вопрос: – Вы никогда не видели у Савушкина оружия?

– Что вы! Откуда оно у него? Оружие, убийство... Я бы поверил еще, что он использовал машину не по назначению, но оружие? А впрочем, не знаю, не знаю. Но тогда позвольте спросить, почему он не ограбил меня? – Профессор пылливо оглядел всех нас. – У меня бывают с собой изрядные суммы.

Профессор снова достал очки, подышал на них, протер платком и надел.

– Скажите, кто, кроме вас, пользуется машиной? – вступил в разговор майор Гончаров.

– Никто не пользуется, – растягивая слова, ответил Кадомцев. – Это персональная машина и закреплена лично за мной. А что, разве задержан еще кто-то?

– Нет, нет. Пока один Савушкин. Однако нами точно установлено, что не далее как вчера вашей машиной пользовалась какая-то женщина.

– Женщина? Странно! Моя жена больше месяца как уехала в Крым и вернется не раньше, чем через две недели. Впрочем, она редко ездит со мной. У нее свои дела.

– Может быть, кто-нибудь еще пользуется? – добивался Гончаров.

Кадомцев, не раздумывая, твердо ответил:

– Нет, никто не пользуется. В этом нет необходимости. Для сотрудников института имеется разгонная. Может быть, жена Савушкина?

Мы переглянулись. Действительно, странно, что никто до сих пор не вспомнил о жене. А ведь проще всего предположить ее соучастие. Кстати, об этом говорил комиссар. Если она была в машине, тогда сразу становится понятным поведение Савушкина, упорно не желающего говорить правду.

Гончаров пожал плечами и ответил:

– Возможно. Проверим. У меня к профессору вопросов больше нет. Как у вас, товарищи? Вопросов не оказалось ни у Коваленко, ни у Дроздова.

– Невероятная история! – проговорил Кадомцев, вставая. – Невероятнейшая! Прошу вас, если понадобится, вызывайте. Рад буду оказать помощь милиции.

– Большое спасибо, – поблагодарил Гончаров, провожая его до двери. – Кстати, еще один вопрос. Ваша жена курит?

Кадомцев с удивлением посмотрел на майора и ответил коротко и резко:

– Не курит, не курила и никогда не будет курить. Терпеть не могу курящих женщин! – Он сдержанно поклонился и вышел из кабинета.

– Серьезный товарищ! – шутливо заметил Дроздов.

Гончаров ничего не ответил. У него был озабоченный вид.

– Как видите, вопрос о неизвестной блондинке, разъезжающей в машине Кадомцева в день убийства, стал еще острее, – сказал он. – На который час, товарищ капитан, вы вызвали жену Савушкина?

Дроздов посмотрел на часы.

– Она должна быть уже здесь. Вера Анатольевна просила, чтобы вызов свидетелей проходил бесперебойно.

И, словно в подтверждение его слов, вошедшая Зайцева доложила:

– Пришла гражданка Савушкина.

Глава V. Неожиданный вывод

Гончаров обернулся к двери и застыл в ожидании.

– Она или не она? – тихо проговорила Коваленко.

В кабинет нерешительно вошла высокая, смуглая, цыганского типа женщина лет двадцати семи, в яркой пестрой блузке. Женщина шла боязливо, держа перед собой в руке паспорт и повестку. И сразу, словно по команде, на лицах присутствующих появилось выражение разочарования. Не она!

Только я был спокоен. Для меня все было ясно с момента знакомства с самим Савушкиным.

– Садитесь, Мария Николаевна, – приветливо обратился Гончаров к посетительнице, заглянув в ее паспорт. – Вы работаете?

– Работаю... На ламповом заводе. Вам справку принести?

Она нервно откинула со лба локон иссиня-черных волос.

– Нет, не надо. Вы сегодня выходная?

– В вечерней смене я с сегодняшнего дня. Была в ночной. А в следующую неделю с утра работать буду. Товарищ начальник, скажите, что с мужем? Ведь его с утра как вызвали, до сих пор нет. Неужели арестовали? За что?

– Видите ли, – ответил Гончаров мягким, чуть глуховатым голосом, – вашего мужа задержали, чтобы выяснить некоторые обстоятельства. Против него есть серьезное подозрение. Но вы не волнуйтесь. В жизни всякое бывает. Разобраться надо.

Савушкина доверчиво посмотрела на майора и тяжело вздохнула.

– Конечно. Разобраться следует. Только тихий он у меня, не буян, и жизнь его мне хорошо известна, вроде как на ладони вся. Ничего такого я за ним не замечала. Правда, к выпивке тяготение имеет.

– Что делал ваш муж вчера вечером? – прервала ее Коваленко.

– Не знаю. А что случилось-то?

– Где он был?

– На работе, должно быть.

– Куда он ездил вчера, вы знаете?

– Нет. А он сам-то что говорит?

Неожиданное происшествие, видимо, сильно напугало Савушкину. Она держалась напряженно, отвечала кратко, точно боялась необдуманным ответом повредить мужу. Кажется, ни Коваленко, ни Гончаров не замечали состояния посетительницы. Они продолжали не спеша задавать вопросы. Их доброжелательный тон постепенно внушил Савушкиной доверие. Женщина успокоилась и стала разговорчивее.

– Да, муж действительно собирался к своей тетке, может, и был у нее, не знаю. Вчера ввалился домой часов в десять вечера без кепки, где-то посеял. Усталый, больной, все стонал: «Маша, голова трещит, есть ничего не буду – тошнит». Дала я ему тройчатку, он завалился спать. Когда ушла на работу, он спал.

– Муж был пьян?

– Я бы не сказала. Не особенно. Вообще-то он любит выпить. Может, пока домой шел, протрезвился. Он знает, что я смерть не люблю, когда он пьяным приходит.

Гончаров достал портсигар и протянул Савушкиной.

– Курите?

Она покачала головой.

– Не занимаюсь.

Гончаров тоже не стал курить и отложил папиросы.

– А что за деньги мы обнаружили в сапоге у вашего мужа? – спросил он.

Савушкина раздраженно повела плечами.

– Черт его знает, откуда он взял их! Мне дворничиха сказывала. Ее позвали, когда обыск был. Ума не приложу!

– Значит, вы не все знаете о вашем муже. Вот и об этих тридцати рублях тоже. А сумма не маленькая...

– Тридцать рублей, – возмущенно повторила Савушкина. – Да откуда же он взял их?

Ее удивление было искренне.

– Откуда он их взял? – повторил майор. – Этого и мы добиваемся от него.

По лицу Савушкиной пошли красные пятна, и она с возмущением проговорила:

– Леший вас разберет, мужчин! Кажется, все знала – и куда ходит, и что делает, – и нате же вам! Что ж это такое происходит?

– Вы не волнуйтесь, – успокоил Гончаров. – Все выясним и вам обо всем расскажем, в том числе и о деньгах.

– Не в деньгах дело, товарищ начальник. Утаил. Я в жизни теперь ему этого не прощу: скрыл, от жены скрыл! – Савушкина всхлипнула и вытерла глаза.

Последующий допрос не дал ничего нового. Примерно через полчаса она посмотрела на часы и сказала:

– Пятый час. Можно идти мне? Как бы не опоздать на работу.

– Еще один вопрос. Могли бы вы узнать кепку вашего мужа?

– Кепку? Ту, которую он потерял? Конечно. Кепку мы с ним вместе покупали. Коричневая, шевиотовая, под цвет костюма. Он, знаете, не любит, когда верх на кепке поднимается, все выбирал, чтобы покрепче кнопка была. А кнопка скоро испортилась, и я сама черными нитками закрепила верх.

– Будьте добры, посидите в соседней комнате, – попросил Гончаров Савушкину. И когда она вышла, распорядился: – Товарищ капитан, найдите несколько кепок и покажите гражданке. Пусть отыщет среди них кепку мужа. Не забудьте пригласить понятых.

Дроздов привел двух пожилых женщин – дворничиху соседнего дома и бухгалтера жилищно-эксплуатационной конторы. Остановившись у двери, женщины оглядели присутствующих, и одна, побойчее, спросила:

– Зачем понадобились?

– Проходите, товарищи, проходите. Товарищ Жемальдинова, прошу, – Дроздов разложил принесенные кепки на подоконнике, незаметно положив к ним кепку, найденную Кедровой. Разъяснил понятым, для какой цели их пригласили, и попросил Савушкину войти.

– Вот она, – уверенно сказала Савушкина и взяла кепку, принесенную Кедровой. Перевернув ее, она показала на подкладке место, прошитое черными нитками. – Я же говорила вам, сама ее покупала, сама ремонтировала. Откуда она у вас?

– Нам ее принесли, – сказала Коваленко и встала. – Ну что же, задерживать вас долго не будем. Минут десять, не больше. Нужно составить протокол. Если понадобится, дадим справку, что вы были вызваны в качестве свидетельницы.

Скоро все было закончено и понятые отпущены. Савушкина поднялась со своего места, но, дойдя до двери, остановилась и, обернувшись к Гончарову, спросила:

– Товарищ начальник! Передачу-то можно мужу сделать? Он, наверно, голодный.

– Не беспокойтесь, – ответил Дроздов, – его накормили.

Савушкина ушла.

Дроздов собрал с подоконника кепки и унес их. Кепку Савушкина Коваленко бережно завернула в газету, перевязала суровыми нитками и взяла с собой.

И снова в который раз я подумал о том, что все последние встречи и допросы не нужны, что они только замедляют расследование. Чего греха таить, подумал я и о том, что мой первый

день делового контакта с милицией особыми результатами не блещет. Я подошел к Гончарову, кутившему возле окна, и встал рядом. Помолчав, заметил:

– Нарастает, как снежный ком.

Гончаров обернулся ко мне:

– Не понимаю!

Я пояснил:

– Улики против Савушкина нарастают, как снежный ком.

Майор поморщился.

– Неудачное сравнение.

– Почему?

– Чересчур быстро нарастают, – сказала за Гончарова вошедшая в кабинет Коваленко, – чересчур быстро.

– Вы недовольны? А мне кажется, что Савушкину теперь ни за что не отвертеться от суда. – Я посмотрел на Гончарова, зашагавшего по комнате. – Почему вы молчите, товарищи? Вы не согласны со мной?

Вошел Дроздов. Увидя нас, стоящих посреди кабинета, он поочередно с удивлением оглядел каждого.

– Дело в том, – Гончаров вначале говорил медленно, словно раздумывая, потом решительно закончил: – Дело в том, Вера Анатольевна, – он обернулся к Коваленко, – что, по моему глубокому убеждению, Савушкина следует отпустить. Он скорее всего не только никого не убивал, но даже и не был на месте преступления. Сейчас я это постараюсь доказать.

Глава VI. Щедрые пассажиры

В комнате наступила тишина. Отчетливо стали слышны раскаты далекого грома. Снова приближалась гроза. В открытое окно с дуновением ветра влетела маленькая желтоватая бабочка и закружилась под потолком. Дроздов, стараясь не шуметь, прошел к письменному столу, сел возле него, да так и замер, как бы ожидая дальнейших разъяснений со стороны майора.

Коваленко молчала. Ждала. Мне показалось, что я ослышался, и не утерпел, чтобы не вмешаться снова:

– Извините, товарищ майор, что я снова влезаю в ваш разговор. Но мне показалось, что вы предлагаете освободить Савушкина. А разве это допустимо, чтобы убийца гулял на свободе?

Вероятно, на моем лице был написан такой испуг, что Гончаров подошел ко мне и улыбнулся.

– Вы правы, освободить преступника – это все равно, что самому совершить преступление. Но ведь еще ужаснее держать в тюрьме невинного человека. Не правда ли?

– Это Савушкин-то невинный человек?

– Не спорю, поведение его странное, не внушает симпатии, и все же я убежден, что он не грабитель и тем более не убийца.

– Позвольте! Но факты говорят обратное. Совершено убийство. На месте преступления находят кепку, принадлежащую преступнику, находят деньги.

– Знаю, все знаю, – прервал меня Гончаров, – и кепка, и пулевая пробоина в машине, и кожаная куртка. И я вам очень благодарен за горячее и искреннее участие в наших делах и переживаниях, но не спешите делать заключение. Не следует горячиться...

– Действительно, меня и раньше смущало одно обстоятельство, – заговорила Вера Анатольевна. – Все складывается так, что убил бухгалтера Савушкин. И улики и показания против него. Но я не могу понять, откуда он мог знать, что бухгалтер сам понесет деньги в банк. И потом, какой преступник поедет на такое «дело», как убийство, в своей машине, да еще не сменив номера? Это же безрассудно. А вместе с тем если Савушкин не убивал, тогда зачем он врет? К чему он придумал свою тетку, какого-то мальчика с камнем? И, наконец, показания Кедровой. Она твердо заявила, что видела, как кепка слетела с головы – слетела, а не подброшена.

– Вот, вот! В этом-то все дело, – словно обрадовался Гончаров. – Кедрова – хороший, честный человек, и я уверен, что все происходило именно так, как она здесь рассказывала. Но Кедрова заблуждается: не видела она, как кепка упала с головы.

– Позвольте, – вмешался я, – но ведь она не слепая. Как вы можете оспаривать показание свидетеля, очевидца?

– Не только могу, но в данном случае обязан, – возразил майор. – Ничего Кедрова не видела и не могла видеть.

– Откуда это вам известно? Ведь нас с вами там не было, а она была.

Гончаров усмехнулся.

– Скажите, видели ли вы когда-нибудь, как слетает с головы кепка?

– Конечно, видел. От ветра слетает.

– Кепка от ветра? Не путайте со шляпой. Чтобы кепка слетела от ветра, надо, чтобы она почти не держалась на голове. Нет, кепка так просто от порыва ветра, да еще из закрытой машины, не улетит. Вы представьте себе автомашину «Волга». Вспомните, как малы боковые окошечки в кабине у шофера. Чтобы у него ветром сорвало с головы кепку, ему надо на полном ходу высунуть голову в окно. И это на крутом повороте из Гороховского переулка в Малый

Демидовский. Я вас спрашиваю, как Кедрова могла видеть это, когда сама говорит, что стояла с правой стороны машины?

– Да, – подхватил Дроздов, – свидетельница даже рукой показывала, как машина проехала мимо нее.

Гончаров закурил и, разгоняя клубы табачного дыма, прошел и сел в кресло.

– А место шофера, к вашему сведению, находится с левой стороны. Что же выходит? Шофер бросил педали управления, на ходу передвинулся на правое сиденье и высунул голову в окно. Не мог же он головой дотянуться со своего места до правого окна. Абсурд! Просто Кедрова услышала выстрел, испугалась. Мимо нее на большой скорости промчалась машина, и на мостовой свидетельница увидела кепку. Воображение подсказало ей, что кепка упала с головы шофера. Что поделаешь! Иногда самые правдивые и добросовестные свидетели могут ошибаться.

– Однако, – начал я, но Гончаров перебил меня:

– Кепка не упала. Ее подбросили. Подбросили умышленно, недалеко от места преступления, рассчитывая, и правильно рассчитывая, что кто-нибудь ее поднимет и отнесет в милицию. Этого намерения у преступника раньше, возможно, и не было, но когда он увидел бегущего милиционера, услышал выстрелы, то он понял, что машина замечена, и решил, что номер ее установлен. А коли так, он сделал все, чтобы усилить подозрение, падающее на шофера. Хитрый, хладнокровный мерзавец! Убийца был одет в черную кожаную куртку, потому что маскировался под шофера, и своей цели достиг. Все свидетели прекрасно запомнили черную кожаную куртку. Преступник хотел этим направить следствие по ложному следу, полагая, что мы начнем искать хозяина машины и, конечно, найдем Савушкина. Действительно, куда деться Савушкину? Машина его. Кепка его. Кожаная куртка тоже его. А след пули на кузове его машины только увеличил число улик. Все против! Ловко! Преступнику важно выиграть время. В этом кроется его хитрый расчет. Таковы мои доводы, – обратился Гончаров к Коваленко.

– С ними трудно не согласиться. Вы очень четко сформулировали и мои сомнения, и все же надо тщательно проверить. Одно бесспорно, – продолжала Вера Анатольевна, мы не вправе придерживаться формального метода в оценке фактов. Против Савушкина действительно много улик. И если мы не задумаемся над тем, как они возникли, станем их рассматривать изолированно друг от друга, получается какая-то бессмыслица.

– Верно! – воскликнул Гончаров. – Вот вам, товарищ писатель, и теоретическое обоснование моего вывода. Именно потому, что против Савушкина так много улик, именно потому, что Савушкин с первого взгляда кажется изобличенным, эти улики приобретают новое качество и обнаруживают нарочитость и подтасованность. Однако, – продолжал он, – работы впереди у нас действительно много. Только бы выйти из тупика.

– Попрошу вас, товарищ капитан, – обратилась Коваленко к Дроздову, – распорядитесь, чтобы сюда доставили Савушкина, и выясните, пожалуйста, почему так долго нет заведующего столовой Никитина.

– Ему уже три раза звонили, – ответил Дроздов, – отвечают, ушел с работы утром и никто не знает, где он сейчас.

– Ему известно, что мы его ждем?

– Конечно. Я сам с ним говорил, он обещал быть у нас к двенадцати часам.

– Безобразие! – недовольно заметил Гончаров.

Дроздов вышел из комнаты, тут же вернулся и неожиданно предложил:

– Товарищи, давайте сделаем маленький перерыв. Подкрепимся немного.

С помощью Зайцевой Дроздов принес тарелки с бутербродами, большой алюминиевый чайник, стаканы с блюдами, сахар и печенье.

– Угощайтесь, – гостеприимно пригласил он. – Когда еще домой попадете!

За полчаса все было съедено, посуда убрана, и в кабинет ввели Савушкина. Он вошел угрюмый, насупленный.

– Идите сюда, Савушкин, – добродушно, как старого знакомого, подозвала его Коваленко, – садитесь здесь, поближе к нам. Вот так. Ну, а теперь расскажите, что все-таки у вас стряслось?

– Ничего не стряслось, – тоскливо ответил Савушкин. Искоса поглядел на Коваленко и опустил голову.

– Где же вы потеряли кепку? – спросил Гончаров.

– Не знаю. Ничего не знаю. Только никого я не убивал, и в мыслях у меня такого не было.

– Вы говорите, что не убивали. Допустим. Но человек убит, и убийца был одет в кожаную черную куртку.

– Я своей куртки никому не давал.

– Возможно, но стрелял человек, одетый, как вы, в черную кожаную куртку.

– Не знаю такого.

– Вы утверждаете, что ни в кого не стреляли, но ведь кто-то стрелял. И этот кто-то был на вашей машине. Может быть, вы ее кому-нибудь давали, одолжили на время? А, Савушкин?

Савушкин широко раскрытыми глазами смотрел на следователя. Видимо, какие-то неожиданные мысли возникли у него. Еще не вполне осознанное подозрение, смутная тревога овладели всем его существом.

– Я никому машину не давал, – едва внятно произнес он.

В этом чуть слышном ответе можно было уловить что-то новое не столько в смысле произнесенных слов, сколько в интонации.

– Значит, кто-то мог пользоваться машиной без вашего позволения... – И внезапно: – Кто эта рыжая бабенка, в завитушках, которую вы возили вчера?

Савушкин в изумлении уставился на майора.

– Ну, говорите, кто она такая?

– Не знаю.

– Вы ее раньше когда-нибудь видели?

– Нет.

– Откуда же она взялась? Ну, что вы молчите?

– Так это же совсем другое дело.

– Вы рассказывайте, а мы уже сами разберемся, другое это дело или то же самое.

И тут Савушкин, заикаясь, отрывисто, несвязно стал рассказывать:

– Дело такое... Выехал я из гаража. Заправил машину у бензоколонки. Поехал. Думал к тетке в Клин съездить. Свободного времени много... У Кировских ворот на перекрестке у светофора машина задержалась. Подбегает ко мне мужчина и говорит: «Двадцатка в зубы, вези за город, быстро». Смотрю, рядом с ним эта самая, в завитушках. И я, товарищ начальник, согласился их везти. Что виноват, то виноват, государственная машина. Не имел никакого такого права.

– Ладно, ладно, рассказывайте дальше.

Савушкин поднял голову, провел языком по сохнувшим губам и попросил воды. Коваленко налила из графина и подала ему. Он жадно отпил несколько глотков.

– Посадил я их в машину и погнал через Комсомольскую площадь, прямо в Сокольники. На Красносельской они попросили остановиться у магазина. Купили вина, закуски, поехали дальше. Выехали в лес. Выбрали место поукромнее, вышли из машины. Стали пить, закусывать. Поднесли мне. Отказывать неудобно. Выпил два раза по двести. В общем, конечно, не имел права. На работе. Но организм у меня крепкий, не хмелею, а тут что-то мне стало не по нутру. Враз опьянел. Все поплыло в глазах, почувствовал слабость, прилег на траву, и больше ничего не помню. – Савушкин допил стакан и сказал: – Все, товарищ начальник.

– Как все? – спросил Гончаров. – А куда же эта парочка делась?

Савушкин глубоко вздохнул и, как бы решившись открыть последнюю тайну, продолжал:

– Проснулся под вечер, шел сильный дождь, весь промок, тошнит, голова вот-вот развалится. Сейчас тоже трещит. Глянул вокруг – парочки нет. Смотрю, машина на месте, проверил, целы ли права. Порядок. А на сиденье у меня лежит тридцать рублей. Видать, решили на десятку больше дать. Вот и все.

– Когда вы заметили пробоину в машине?

– Приехал в гараж, ставлю машину, мне кто-то кричит: «Эй, кузов ободрал!» Гляжу, точно. Где царапнул, ума не приложу. И как это проехал по городу и меня никто не остановил? Надо думать, дождь помог.

– Что же вы сразу обо всем не рассказали?

– Да мне говорят: «Убийца! Грабитель!» А я никого не грабил, не убивал и от машины не отходил. Ну, а потом побоялся уже насчет этой «левой» поездки рассказывать, решил за Клин держаться... Каюсь теперь...

– Да, вы много здесь напутали. И следствию мешали. А ведь убийца, пока вы тут тянули, не зевал. Вы можете описать наружность ваших пассажиров?

– А чего же... Мужчина высокий, лет двадцати восьми – тридцати, обходительный такой, лицо симпатичное, особого ничего нет. Вот только когда водку разливал, заметил я наколку у большого пальца, какое-то имя, а какое – не прочел.

– Как он был одет?

– В серый пиджачок. В общем прилично одет. А женщина? Да вы ее, наверное, знаете. Точно обрисовали: рыжая, в завитушках, так она и выглядит. Яркая такая, лицо круглое, нос – во! – он пальцем приподнял кончик носа. – Глаза не помню какие, кажется карие. Сначала она много смеялась, а потом чего-то скисла, стала молчаливой. А во что была одета, хоть убейте, не помню, обыкновенно, как все женщины летом одеваются.

– Яснее ясного. Как они друг друга называли?

– Чего не помню, того не помню, ни к чему мне. – Савушкин вздохнул. – Виноват я, «налево» сработал. Только слово даю, никакого преступления не совершал, да и револьвера у меня отродясь не было.

– Мы готовы поверить вам, Савушкин, – сказала Коваленко, – что вы действительно никого не убивали и не грабили, но вам придется объяснить суду, как вы стали пособником грабителей и убийц. Ложь, заpiresательство – все объяснить придется.

– Да я же...

– Ну, это дело суда.

Гончаров быстро поднялся, подошел к Коваленко и о чем-то очень долго советовался с ней.

– А сейчас, – вновь обратилась она к Савушкину, – поедете с сотрудниками милиции, покажете место, где вчера пировали. Вернетесь обратно, отберем подписку о невыезде и отпустим домой.

– Домой? Вы меня освобождаете? – дрогнувшим от волнения голосом спросил Савушкин.

– А вы не хотите? – улыбнулся Дроздов. – Не беспокойтесь, когда будете нужны, вызовем.

Гончаров попросил Дроздова не забыть пригласить с собой понятых. Растерянно суетившегося Савушкина увели. Он шел к выходу нетвердой походкой, задевая по дороге стулья.

В кабинете опять наступила тишина.

Я вынул блокнот и сделал кое-какие записи. Закончив, оглянулся. Кроме меня и Гончарова, никого не было. Майор сидел у стола и сосредоточенно набирал номер по телефону.

– Федор Георгиевич, – обратился я к нему, – у меня к вам есть несколько вопросов, не помешаю?

– Нет, нет, – Гончаров опустил трубку телефона.

– Первый вопрос: какое значение представляет для дела, снимался с машины номер или нет? Нельзя же ездить по городу без номера!

– Охотно объясню. Для нас это имеет очень важное, можно сказать, первостепенное значение. Как вы знаете, номер прикрепляется винтами и закрепляется гайками. Допустим, имеются свежие следы отвертывания гаек, например, свежая смазка маслом. В этом случае надо предположить, что на машину ставился чужой или фальшивый номер, если, конечно, он не был снят по каким-либо легальным причинам. Для чего ставят фальшивый номер? Чтобы навести на ложный след. В данном случае этого не было, номер не снимался, а ведь преступление совершено не по мгновенному побуждению, оно подготовлено заранее, заранее обдумано. Помните, что говорил комиссар? Спрашивается, какой же шофер, если он в здравом уме, поедет на своей машине совершать преступление, можно сказать, среди бела дня, да еще выставит напоказ свой номер? Это же все равно, что показать свой паспорт.

– Однако никто номера не запомнил.

– Чистая случайность! Рассчитывать на нее нельзя, и никто никогда не рассчитывает. Важно другое: преступник не заботился, запомнят номер машины или нет. Ему это было безразлично, он старался лишь сбить следствие с толку, запутать и замести следы. Правильно сказала Коваленко, нельзя улики рассматривать в отрыве от реальной действительности. Кому же понадобилось их нагромождение, кому был выгоден весь этот спектакль? Конечно, человеку, нанявшему машину. Задача преступника ясна – добиться, чтобы подозрение пало на другого, ни в чем не повинного человека. Понятно?

– Вполне! Теперь второй вопрос: вы действительно считаете, что Савушкин не принимал никакого участия в преступлении?

– Пока его показания не противоречат обстоятельствам дела. Давайте посмотрим, что у нас получится, если мы поверим Савушкину.

– Давайте.

– Некто в сером костюме, будем его так называть, тщательно заранее обдумал преступление. Пока нам неизвестно, кто и когда навел его на столовую и на Орлова. Доберемся и до этого. Вчера преступники наняли машину, поехали за город. Некто в сером, угощая водкой, дал шоферу снотворное, дождался, пока тот уснет, надел его куртку, кепку, взял машину и отправился к месту, где встретил Орлова. Совершив преступление и увидев, что за машиной гонится милиционер, убийца выбросил из окна кепку Савушкина. Благополучно вернувшись, он поставил машину на прежнее место и положил на сиденье тридцать рублей, даже превысил договоренную сумму. Это, возможно, тоже сделано с умыслом, чтобы еще сильнее скомпрометировать водителя. Вот версия, которая вытекает из показаний Савушкина. Так, по-моему, и обстоит дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.